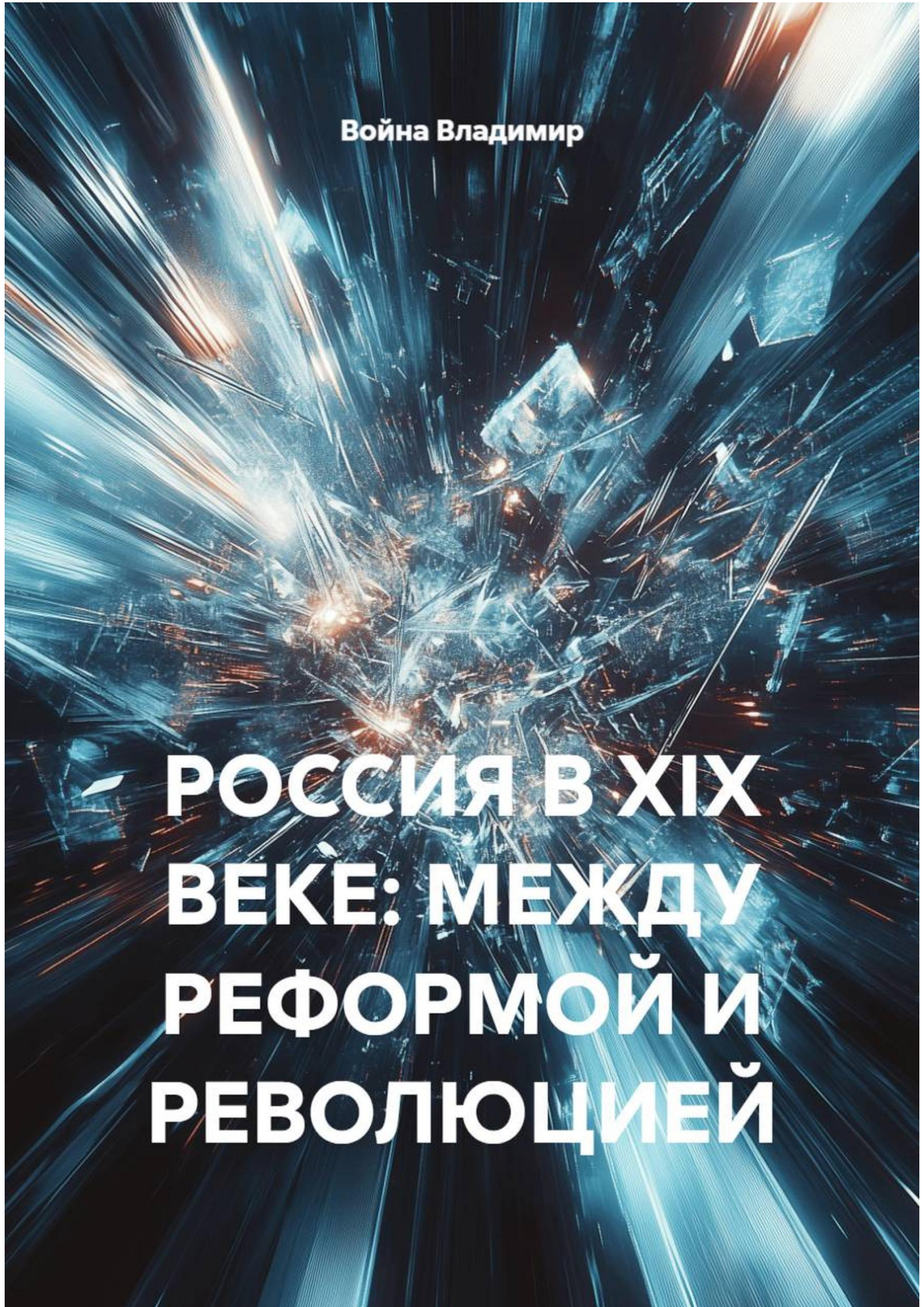

Война Владимир

РОССИЯ В XIX
ВЕКЕ: МЕЖДУ
РЕФОРМОЙ И
РЕВОЛЮЦИЕЙ

Война Владимир

**РОССИЯ В XIX ВЕКЕ: МЕЖДУ
РЕФОРМОЙ И РЕВОЛЮЦИЕЙ**

«Автор»

2026

Владимир В. В.

**РОССИЯ В XIX ВЕКЕ: МЕЖДУ РЕФОРМОЙ И РЕВОЛЮЦИЕЙ /
В. В. Владимир — «Автор», 2026**

Книга адресована всем, кто интересуется историей России. В ней сочетаются факты классического текста и критический взгляд современных историков. Основные темы: отмена крепостного права, земское и городское самоуправление, судебная реформа и суд присяжных, Восточный вопрос и Берлинский конгресс, народничество и революционный террор, контрреформы Александра III, экономический рост и политическая реакция. Она предназначена для всех, кто хочет узнать, почему Россия XIX века стала лабораторией реформ, изменивших мир, но не предотвративших революцию.

© Владимир В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

РОССИЯ В XIX ВЕКЕ: МЕЖДУ РЕФОРМОЙ И РЕВОЛЮЦИЕЙ

Глава

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — попытка соединить голос начала XX века с голосом века XXI. Перед вами не просто пересказ событий, а диалог двух эпох: той, что создавала мифы о «великих реформах», и той, что эти мифы разрушает.

Текст, лёгший в основу этой работы, был написан историками товарищества «Бр. А. и И. Гранат» в 1907–1910 годах. Его авторы — М. Н. Покровский, С. Я. Цейтлин, М. П. Чубинский, З. Ленский — стояли на разных позициях: от раннего марксизма до юридического либерализма. Но их объединяло одно: они писали живую историю, не боясь задавать неудобные вопросы.

Современная историография — работы Л. Г. Захаровой, Б. Н. Миронова, О. Р. Айрапетова, С. М. Фалькович, А. Миллера — дала нам новые инструменты. Мы знаем теперь то, чего не знали авторы начала XX века: что реформы были не «даром сверху», а результатом борьбы, что крестьяне были не пассивной массой, а активными участниками своей судьбы, что национальная политика империи имела свою логику, а не только логику «угнетения».

Эта книга — попытка соединить классический нарратив с современным анализом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КРЫМСКАЯ ВОЙНА: ПРОЛОГ КАТАСТРОФЫ

«Две силы, две державы»

В 1848 году Фёдор Тютчев написал: «Уже с давних пор в Европе только две действительные силы, две истинные державы: Революция и Россия. Они теперь сошлись лицом к лицу, и завтра, может быть, схватятся. Между той и другой не может быть ни договоров, ни сделок. Что для одной жизнь, для другой — смерть».

Это была не просто поэтическая метафора. Это была идеологическая программа Николая I.

Барон Бруннов, «начальник штаба по дипломатической части», ещё в 1838 году писал: «Прежде чем дойти до нас, революционная пропаганда потеряет свою мощь и разобьётся об Австрию и Пруссию. Наш верно понятый интерес — в ободрении и укреплении наших союзников в страшной борьбе... Не подлежит сомнению, что обе эти монархии вовлечены в настоящую минуту во внутреннюю борьбу».

Николай I был убеждён: Россия — оплот монархии, а революция — враг, который должен быть уничтожен. Но он не понимал главного: «дух времени» был не тем, что он думал. Революция была страшна именно потому, что была непонятна. И когда он убедился, что это таинственное чудовище сильнее его, — ум его больше ему не оставалось.

Севастополь: крушение системы

Крымская война началась как дипломатическая игра, а превратилась в катастрофу. Николай I считал, что Турция — «как больной человек», а её раздел — вопрос времени. Он не учёл одного: Англия и Франция не хотели усиления России.

Современный историк О. Р. Айрапетов в работе «Крымская война» (2014) показал: это был первый глобальный конфликт, в котором проявились логистические, медицинские, технологические и информационные факторы. Русская армия была не готова к войне на своей территории: не хватало дорог, госпиталей, боеприпасов. Севастополь держался 349 дней — но это была агония, а не победа.

Авторы начала XX века писали: «Крымская война вскрыла всю гнилость господствовавшей у нас системы». Современные историки уточняют: система была не просто «гнилой» — она была неэффективной. Крепостное право не давало мобильности рабочей силы, инициативы командиров, технологического прогресса.

Вывод: Крымская война была не просто военным поражением. Это был приговор крепостной системе. Александр II понял это раньше многих.

Последствия войны для России: уроки истории и вызовы современности

Войны всегда оставляют глубокий след в судьбе страны, проверяя ее на прочность и заставляя меняться. Россия не раз сталкивалась с такими испытаниями, и каждый раз это становилось точкой отсчета для масштабных преобразований.

Экономические потрясения и реформы

Крымская война (1853–1856) стала серьезным ударом для экономики России. Огромные затраты на военные действия привели к финансовым трудностям:

Обесценивание рубля: серебряное покрытие кредитных билетов снизилось с 45% до 19%, что почти вдвое уменьшило его стоимость.

Бюджетный кризис: бездефицитный бюджет был достигнут только через 14 лет после войны.

Денежная реформа: стабильное соотношение рубля к золоту было восстановлено только в 1897 году благодаря реформам Витте.

Эти испытания заставили правительство искать новые пути развития. Началось активное строительство железных дорог, что ускорило модернизацию экономики и объединило отдаленные регионы страны.

Геополитические последствия

Война на Дальнем Востоке подтолкнула Россию к дипломатическим усилиям и присоединению Приамурья и Приморья. Однако поражение в Крымской войне временно привело к утрате контроля над Черноморским побережьем Кавказа, что было исправлено только по итогам Кавказской войны.

Этот опыт заставил пересмотреть внешнюю политику: Россия осознала необходимость укрепления союзов и поиска новых партнеров.

Социальные изменения

Крымская война обнажила неэффективность крепостной системы, что стало одной из причин ее отмены и проведения военных реформ 1860–1870-х годов. Лишь спустя годы Россия смогла восстановить утраченные территории и вернуть свой международный статус.

История учит, что даже самые тяжелые поражения могут стать началом перемен. Войны заставляют общество переосмыслить свои ценности, экономику и государственное устройство. Важно извлечь правильные уроки и использовать их для строительства сильного и процветающего будущего.

Россия не раз преодолевала испытания войнами, находя силы для возрождения и движения вперед. Сохраняя память о прошлом, страна строит свое будущее на опыте предков и вере в собственные силы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА: ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЛИ ОБМАН?

«Новое общество»

Пушкин в 1830-х годах писал о Москве: «Некогда в Москве пребывало богатое, не служащее боярство... Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально... На всех воротах прибито объявление, что дом продаётся и отдаётся внаймы — и никто его не покупает».

Это была картина упадка дворянства и возвышения буржуазии. Село Иваново — вотчина графов Шереметевых — стало центром текстильной промышленности. Но фабриканты

— Морозовы, Сытины, Кондрашовы — были крепостными. Они платили оброк, но не могли свободно распоряжаться своими капиталами.

М. Н. Покровский в 1907 году писал: «Новый социальный слой, который должен был занять место, покидаемое дворянством, для промышленного капитала определился уже достаточно ясно за двадцать лет до Севастополя». Современный историк Б. Н. Миронов в «Социальной истории России» (1999) подтверждает: буржуазия требовала освобождения крестьян — но не из гуманности, а из экономической необходимости.

«Легенда 19 февраля»

Покровский одним из первых разрушил миф о «великой реформе». Он писал: «Крепостное право слагалось из трёх элементов: права помещика на труд крестьянина, права на землю, на которой сидели крестьяне, и некоторых функций государственного, полицейского и судебного характера».

Что же изменилось 19 февраля 1861 года?

Первый элемент — право на труд — был сохранён: барщина и оброк остались. Второй элемент — право на землю — был объявлен подлежащим выкупу, но только с согласия помещика. Третий элемент — полицейская власть — перешёл к мировым посредникам, которые были дворянами-помещиками.

Покровский делает вывод: «Юридически помещик остался собственником всей земли своего имения и после 19 февраля».

Современные историки уточняют эту картину. Л. Г. Захарова в работе «Александр II и отмена крепостного права» (2011) показывает: реформа была результатом борьбы между консерваторами, либералами и радикалами. Александр II лавировал между ними. Он не был ни реформатором, ни реакционером — он был прагматиком, который понимал: промедление смерти подобно.

«Отрезки» и «прирезки»: механика ограбления

Как работала система?

Вся территория европейской России была разделена на три полосы — нечернозёмную, чернозёмную и степную. Для каждой полосы устанавливались «высшая» и «низшая» нормы надела. Разрыв между ними был трёхкратным.

Что это означало на практике?

Если дореформенный надел крестьянина превышал «высшую» норму — помещик отрезал «излишки» в свою пользу. Это и были «отрезки». Если надел был меньше «низшей» нормы — помещик должен был «прирезать» землю. Но на практике прирезки были исключением.

Цифры говорят сами за себя:

- Отрезки были произведены у 40—65% крестьян по отдельным губерниям.
- Прирезки коснулись только 3—18% крестьян.
- В общей сложности отрезка составила 20% крестьянских наделов, а прирезка — менее 1%.

Что отрезали?

Закон запрещал отрезать пашню. Но разрешалось отрезать луга, выгоны, водопои, леса — то есть именно те угодья, без которых крестьянское хозяйство не могло существовать. Крестьянин вынужден был арендовать эти земли у помещика — на любых условиях.

Современный взгляд:

Историк Л. Г. Захарова отмечает: отрезки были не случайностью, а заранее запланированной мерой. Они привязывали крестьянина к помещику — экономически, через необходимость аренды.

Выкуп: цена свободы

Как определялась сумма выкупа?

Не стоимостью земли, а суммой оброка. Капитализация оброка под 6% — вот формула выкупа.

Пример: крестьянин платил оброк 10 рублей в год. Выкупная сумма = $10 \times 100 \div 6 = 166$ рублей 67 копеек.

Сколько стоила земля на рынке? В нечернозёмных губерниях десятина земли стоила 14,5 рублей. Средний надел — 8 десятин. Рыночная цена — 116 рублей. Переплата — 50 рублей 67 копеек.

Механика выкупной операции:

- Государство сразу выплачивало помещику 75—80% выкупной суммы.
- Крестьянин получал эту сумму как ссуду и должен был погашать её 49 лет.
- 6% годовых — 5% шли на проценты по бумагам, 1/2 копейки — на погашение долга, 1/2 копейки — на содержание чиновников.

Итог: крестьяне выкупали не только землю, но и личную свободу. Стоимость земли по выкупу значительно превышала её рыночную цену.

Современный взгляд:

Историк Б. Н. Мironov в работе «Социальная история России» (1999) отмечает: выкупные платежи были непосильны для крестьянских хозяйств. Они тормозили экономическое развитие деревни. Реформа создала условия для расслоения крестьянства — богатые выкупались и разбогатели, бедные разорались.

«Дарственный» надел: «нищенский» или «сиротский»

По статье 123 Положения помещик мог предоставить крестьянам бесплатно («в дар») 1/4 от «высшей» нормы.

Что это означало?

Крестьянин получал одну десятину на человека. Прокормиться с этой земли было невозможно. Крестьяне называли такие наделы «нищенскими», «сиротскими».

Современная оценка:

Историк О. Р. Айрапетов отмечает: «дарственные» наделы были ловушкой. Крестьяне, согласившиеся на них, теряли право на полный надел. Они превращались в батраков — без земли, без гарантий.

Временнообязанное состояние: «свобода» на бумаге

Крестьяне, подписавшие уставную грамоту, но не выкупившие землю, назывались «временнообязанными».

Что это означало?

Они продолжали отбывать барщину и платить оброк — как при крепостном праве. Временнообязанное состояние могло продолжаться 9 лет.

Современный взгляд:

Историк Л. Г. Захарова отмечает: временнообязанное состояние было «переходным» — но затянулось на двадцать лет. Только в 1881 году был издан закон об обязательном выкупе.

Итоги: «освобождение» или «ограбление»?

Что показала реформа?

Во-первых, крестьяне не получили того, что ожидали. Они ждали «земли и воли» — получили «волю без земли».

Во-вторых, помещики сохранили экономическую власть над крестьянами — через отрезки, аренду, отработки.

В-третьих, реформа создала условия для революции — не решив аграрный вопрос.

Современный взгляд:

Историк Л. Г. Захарова в работе «Александр II и отмена крепостного права» (2011) отмечает: реформа была не «даром сверху», а результатом борьбы между консерваторами, либера-

лами и радикалами. Александр II лавировал между ними. Он не был ни реформатором, ни реакционером — он был прагматиком, который понимал: промедление смерти подобно.

Вывод:

Крестьянская реформа была не «освобождением», а сделкой. Помещики сохранили землю и власть. Крестьяне получили свободу — но дорогой ценой. Буржуазия получила рынок рабочей силы. Государство получило стабильность. Но социальная напряжённость не исчезла — она перешла в новую форму.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА: САМОУПРАВЛЕНИЕ ИЛИ ПРИСМОТР?

«Порядок местного хозяйственного управления... далеко не удовлетворял»

Основой дореформенного местного управления являлось помещичье село. Социально-экономические условия крепостного строя отнюдь не требовали отделения административно-судебных функций от функций по организации сельскохозяйственного производства. Наоборот, возможно большая концентрация и тех и других в одних руках, в руках дворянина-помещика, давала возможность использовать самым интенсивным образом крепостной труд крестьянства.

Помещик имел почти неограниченное право распоряжения трудом своих крепостных. Он мог оторвать крестьянина от пашни и перевести его во двор. Он мог переселять своих крепостных, порознь или целыми селами. Он мог продавать их, с землей и без земли.

Ясно, что административно-хозяйственная, судебная и полицейская власть в пределах поместья должна была также принадлежать ему. Центральная государственная власть отдавала себе в этом вполне ясный отчет. Император Павел I был убеждён, что крестьяне живут счастливее под управлением помещиков, чем под властью назначенных чиновников. Он любил называть помещиков — своими «полицеймейстерами». «У меня столько полицеймейстеров, сколько помещиков в государстве», — говаривал он.

И вплоть до самой крестьянской реформы теория и практика административного права всецело основывалась на возможном устранении всякого вмешательства агентов государственной власти во внутренние дела помещичьего села.

«Губернатор — главное лицо»

Главным лицом в губернском управлении был губернатор. Он был подчинен центральному правительству, и в особенности министру внутренних дел.

В николаевскую эпоху неоднократно предлагались проекты ограничения должности губернатора исключительно функциями высшего местного надзора за деятельностью должностных лиц. Но при условиях крепостного права, при порабощении и лишении гражданских и политических прав огромной части населения — крепостного крестьянства, при самовластии дворян-помещиков в их поместьях, все эти проекты являлись совершенно утопичными.

Николай I был совершенно прав, когда недоумевал по поводу аналогичных проектов Сперанского: кому же вручить административную власть вместо губернатора — не предводителю ли дворянства, от которого следует ждать ещё большего увлечения самыми узкими интересами дворянства!

Наказ губернаторам 1837г., подробно регулировавший функции губернаторов, поручал им также функции надзора. В общем и целом он был построен на признании за губернатором самой активной и влиятельной роли в губернском управлении. Губернатор — непосредственный начальник вверенной ему губернии. Действием данной ему власти он обязан охранять общественное спокойствие, безопасность всех и каждого и соблюдение установленных правил — порядка и благочиния.

«Дворянство было тем тестом»

Губернатор был почти всегда сам крупным дворянином-помещиком. Перефразируя известное выражение, мы можем сказать, что дворянство было тем тестом, из которого пеклись губернаторы.

Огромные преимущества, которые были предоставлены дворянству при прохождении правительственной службы, привели почти к полной монополизации всех высших мест за дворянской аристократией, жадно стремившейся к центру в погоне за чинами, за властью, за жалованьем. По остроумному выражению Лохвицкого, это была настоящая «эмиграция» в столицы, в министерские департаменты, откуда только и можно было явиться через несколько лет в провинцию на видное место.

Дворянство избирало целый ряд чиновников. По судебному управлению — заседателей и (с 1831 г.) председателей уголовной и гражданской палат, совестного судью и заседателей совестного суда, уездных судей и заседателей уездного суда. По полицейскому управлению — земских исправников и заседателей земских судов. И представляло губернатору список кандидатов на должности становых приставов.

Незавидное положение занимали эти избираемые — полицейские и судебные — чиновники в дореформенном дворянском обществе. На их долю выпадала в высшей степени важная, но зато и наиболее грязная работа по поддержанию и охранению крепостного режима. Стынутые между крупным дворянином-помещиком, государем в своём поместье, и губернатором, всемогущим хозяином и начальником губернии, они встречали и в том, и в другом одинаково — презрительное отношение.

«Земско-хозяйственное управление»: зачаточное состояние

Только с обнародованием в 1805 г. предварительного положения о земских повинностях и организацией впервые особого губернского присутствия для заведования ими в дореформенной России начинается сколько-нибудь действительное регулирование земско-хозяйственного управления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.